

«ПЛАТИТЕРА» - РАСШИРИВАЮЩАЯ НЕБО

(«Πλατυτέρα των ουρανών»).



Ведаю ли, отчего и как... - возникает эта череда кратких «литературных рефлексий» - воспоминаний о встречах с Богородичными иконами, встречах внезапных, «не чаянных» - пре-выше-ожиданий и не забываемых. Оставили эти встречи... возможно ли говорить так: «впечатления» во мне, - запечатлели - меня, впечатали в моё естество нечто, на всю жизнь, изменили, быть может... или по крайней уж мере – несомненно – оставили свою мету, от-печаток на всём моём существовании, по-следующем за этими встречами. Встреча с человеком, как проживание со-бытия с ним – может быть столь же значимой, впечатляющей... за-печатливающей нас, как и встреча с образом – разумеет так.

Одна из этих встреч, про-изошедшая, пожалуй, лет уж почти тридцать тому, - встреча, опять же, встреченная с первыми личными шагами и первым, совсем уж новоначальным - опытом рас-познавания образа, при-никания к живописному из-ображению Неизобразимого Бога... Проводником и наставником «Вергилием» в этом хождении к про-никновению в неведомое, научающем в этом путе-шествовании к образу была преподаватель, замечательная и удивительная Светлана Гурьевна Савина, -

хранительница византийской коллекции Эрмитажа и по призванию – преподаватель в религиозно – философской школе для ищущих и непоседливо - дерзновенных неучей и невежд. В классе её, милостью Господней, – довелось несколько лет вольным слушателем - слушать научительные беседы... более, чем лекции. И слышать и беседовать, и находиться вблизи этого человека, посещать с нею, под её водительством экспозиции в кругу учеников и внимательных слушателей. При-слушиваться к её слову – как плоду многолетних размышлений, осознания и долгого личного опыта взаимоотношения с образом...

Итак, о встрече... встрече – с Богородичной иконой «Платитера». Более полугодом длилась выставка в Меншиковском дворце на Васильевском острове, - выставка икон из собрания коллекции П. И. Севастьянова, из, преимущественно, эрмитажных хранилищ. «Шедевры» - предмет, пребывающие в этом хранилище не часто покидают свой музейный «спуд» - остаются под его прессом в завидной со-хранности и, увы, в неведении, мало доступны даже и для узкого круга специалистов, как и для ширящегося круга интересующихся, иссякающего числа почитающих... Сложно, за-труднительно подступиться к этим предметом поздне – византийского и пост-византийского «искусства», без особенного усилия – не обнаружить даже упоминания о них, каталожные ссылки на их издание, существование. Обеспечение со-хранности и целостности в уродливой форме сопряжено с обеспеченной безвестностью и фактическим словно-бы небытием. Часто это ввержение в «небытие» оправдывается, - ужели сознательные ниспровергатели образа, нынешние иконо-борцы, заталкивающие образ под спуд, - усиливаются оправдывать мало – значимостью, второ-степенностью поздне и пост – византийского наследия, «меркнувшего» на фоне сиятельных ренессансных высот... будто бы и не представляет оно значительного интереса для ис-следователей художественности. Может, оно и так, быть может, не столь выдаются на обще – европейском, обще – мировом искусство-ведческом просторе эти образы, как образцы иконографии, иконо-логии, образо-творчества в пост-византийской Греции... мельчают перед художественностью несравненного Микельанджело. Но о-дарила Греция, воз-никающая из османского небытия, благодарно и царственно - жаловала русского посланника, ревнителя и энтузиаста Петра Ивановича Севастьянова – наделила множественным и несравненным наследием... не благодарственное ли приношение про-изведений – как благо-дарение России за со-деянное, как бывшее имперское благо-словение от ушедшего Второго Рима - Риму Третьему, поражённому от всей совокупной Европы и Османии в Крымском нечестивом надругательстве. Утешение – пре-поднесённым образом. Можем ли так высказавшись, из отдаления исторических перспектив позволить себе таковое осмысление произошедшего тогда. Но воз-вратимся же к выставке и не станем сей час более рассуждать о севастьяновской коллекции в целом, о исторической эпохе взаимоотношения русской имперской традиции с наследием византийским и пост-византийским, о взаимоотношении империи – и образа. Вернёмся – к нашей про-изошедшей встрече.

Дивные посещения этой выставки со Светланой Гурьевной длились часами еженедельно, - по субботам мы приходили сюда и проводили возле одной из икон – беседу со Светланой Гурьевной... точнее, это было присутствие при её монологе, длившемся час или более того, без ограничения времени-чем то иным, кроме возможности пре-поднести нам то, что она могла передать перед образом нашему «неофитскому» неразумию. Монолог – размышление, монолог – созерцание, несомненно, со-путствующий внутренней молитве и, как некоторая результирующая её жизненного опыта

во взаимоотношениях с огромным количеством образов Божьих... - монолог перед одной из выставленных здесь икон. Мы были здесь, буквально, - слушателями и свидетелями личного общения человека с образом, общения, пре-поданного, пре-поднесённого, приоткрытого для нас. Как знать, быть может, и мои литературные эскапады, рас-суждения, очерки перед образом – есть продолжение услышанного, вос-принятая от Светланы Гурьевны – традиция заложенная ею – изъяснять в слове переживаемое, видимое, осознаваемое перед образом. Беседы длились... длились... почти год в течение выставочного периода. И было не дожидаться наступления следующей субботы. От одного образа мы переходили к следующему. Не позволяла себе Светлана Гурьевна совместить в одной беседе рассуждения о двух иконах. Таким образом мы задерживали вместе с нею своё внимание у одного из произведений и долго вслушивались в текущую перед образом речь о технологии написания, истории, известных обстоятельствах происхождения, об иконописной традиции и школе, иконографических нюансах и особенностях, иконологических смыслах предъ-явленных и распознаваемых в образе символов, усиливались осознать их... Но более – вос-чувствовать икону и навикнуть к вос-приятию образа, запечатлеть себя увиденным образом и научиться пред-стоять перед ним, познаваемым – как перед непознаваемым Перво-образом... Сложно теперь уже говорить о нюансах услышанных тогда бесед перед выставленными на обозрение «экспонатами» из коллекции Севастьянова или из эрмитажной византийской коллекции. Сложно вспомнить и то, что говорила Светлана Гурьевна перед образом Платитеры, о котором идёт речь теперь, но возможно ли избыть из себя впечатление, полученное тогда на фоне произносимых ею слов в период этих длительных пре-бываний, научений, навикания к образу перед встреченными иконами... перед образом Богоматери, о котором и попробуем немного порассуждать теперь и мы... быть может, так - восполним хоть малую толику своего благодарения и памятования об ушедшей от нас рабе Божией Фотинии – Светлане.

Но прежде... - ещё бы одно, несколько от-влечённое воспоминание, малая деталь, предшествующая нашим рассуждениям, относящаяся, скорее, к личным, «лирическим» воспоминаниям об этом образе... о том, как не давал он жить после встречи с собой, буквально не позволяя воз-вратиться в то состояние, в котором я ощущал себя до пережитой встречи с ним. Образ или же Перво-образ через образ Свой? - действительно – изменял моё существо и, как бы в-зывал к себе, обязывал произошедшей встречей дальнейшее существование, которое уже не мыслилось вполне таким же, каким оно было прежде. В истории короткой человеческой жизни про-изошёл момент впечатления, длительного со-прикосновения с образом, и последующая жизнь оказалась связанной с этим про-изошедшим моментом воз-действия на неё... так свидетельствую лишь о своих ощущениях... не более того, но и не менее... Долго, можно сказать, не мог тогда оправиться от пережитого. Да и могу ли – теперь – говорить о том, что пережитое – в прошлом... так запечатлениями – отжигалась и формировалась собственно жизнь, образовывался образ человек живущий. Всякое переживаемое проживаемое мгновение в нынешнем и текущем – несёт в себе по-следствие пережитого, пере-несённого и как-то связано с тем, что произошло десятилетия тому... если линейная шкала вообще применима к суждениям о вопросах духовных. На протяжении лет, длящихся со времени произошедшей встречи с образом... не сказать ведь, что желание повторить эту встречу – обладало мною... но жило, существовало во мне – неотступно, - это уж точно. Каждая последующая выставка византийских икон - манила возможностью этой встречи. Букинистические магазины при-влекали в себя при любой возможности – возбуждая желание порыться в них, выискивая редкостный каталог, выпущенный по итогам былой

выставки в Меньшиковском дворце, с изданием изображения этой иконы... пропущенный мною. Так и не удалось отыскать этого каталога, мгновенно ставшего библиографической редкостью. И не удалось более встретить сам этот образ на последующих выставках. Пребывает удивительная Платитера в запасниках Эрмитажа... неведомая, сокрытая, заточённая... или же - погребённая в сохранности под спудом искусствования в благо-приятных условиях сохранности от времени и от живых людей, вне молитвенного воз-глашения, вне литургического со-участия в предстоянии Богу с образами Божьими, во-человеченными в людей... вне самой возможности научения и напоения собою страждущих, жаждущих и очень живо – нуждающихся в этом образе – людей, для которых и создавался он... «Пост – византийский», – звучало в устах людей сведущих, как повод к забвению, как приговор к сокровению - заточению, как оправдание к необратимому погребению под спудом, к надёжному и необратимому удалению от живого общения, к со-крытию от глаз.

Почти безнадежно пролистывая интернет – встретил его репродукцию, вполне детальную... - привлеку её к воспоминаниям своим и попробую, рассуждая, - выстраивать слова своего памятования об образе, со-образуясь с ним совсем не «в живую», но через этот вот, об-наруженный, недостаточно информативный, дурно передающий цвет фотоснимок с образа. И «за неимением гербовой, - пишем на простой», за неимением опыта духовного постижения Бога – усиливаемся о непередаваемом, непостижимом, недоразумеваемом, по-возможности, - писать просто.

Образ Знамение – «Ширшая Небес» - так именуется этот образ в устоявшейся церковной практике. Рас-ширенная превыше небес... Широчайшая, чем Небо... Рас-ширяющая Небеса... - последний вариант именованья представляется более точным и звучным без умаления смысла. Удивителен именно этот образ, удивителен даже в контексте имеющихся много-численных изводов иконографии «Знамения». Особенно пронзителен и – именно этот извод – это про-изведение образа. Этот – превыше небес расширивший-себя иконографический символ. Прежде всего останавливает наше внимание, у-равно-вешивает человека внемлющего, предстоящего перед образом – сама, скажем так, компоновочная схема изображения, - скажем грубовато и сухо. Образ очень выверен и симметричен, - это очень внятно о-значенный квадрат иконной доски, в который чётко и внятно вписана окружность углубляющаяся концентрическими кругами в глубину, в нутрь невидимого, символически вы-являемого пространства. Изнутри этого вы-являемого пространства воз-никает знаменующий образ Божией матери. Божия Мать знаменует, о-знаменовывает нас, вы-являя Себя из области невидимого. И так герметичен, так геометрически выверен этот знаменующий нас знак. Практически в центральной части образа написано - или из-ведено перед нами из-ображение Божией Матери. Собственно центр иконы - в центральной точке верхней части груди Богородицы.

В глубину неведения нашего – в-никает в-зывающий нас образ Платитеры. Рас-крыта, о-значена непознаваемая Божественная сущность, - о-значена в символе мандорлы – концентрических светлых и цветных кругов вокруг фигуры Богоматери. Нам – не познат непознаваемого, но возможно – знать о том, что непознаваемое – существует, как и то, что Непознаваемое не познаётся нами. И, как милость Господня к нам, – в открывающемся символе проявлено то, что познавать нам надлежит и возможно вопреки самой нашей ущербности, ино-природности Богу. И милость эта – Сам Христос, являющий Себя по Своему человеколюбивому Человечеству... это Мать Божия, у-своившая Себе благодать Духа Святого, воз-росшую Христом – Бого-Человеком.

Геометрически точный центр иконы прикрыт фигурой Богоматери – это центр мандорлы, - концентрических окружностей, вписанных в квадрат иконного ковчега. Мандорла – есть символ про-явления Божественной непознаваемости в познаваемом нами образе. Концентрическими кругами, как бы вопиющим и в-зывающим в себя рупором – символически – рас-крыто Божественное естество, про-явившее Божию Матерь. Верхняя часть груди Богородицы, повторим вновь, - находится точно по центру иконы, Её фигурой прикрыт или про-явлен рупор символической мандорлы. Непознаваемое естество Бога рас-крыто и доступно в этом раскрытии – через образ Божией Матери, в видимом и ощущаемом, со-природном с нами естестве Её... - воспримем – так. Сколь значима эта символика. Внутри рук – пред-плечий Богородицы, словно бы внутри Чаши, внутри Богоматери - благословляющий нас иерей – Богомладенец – Эммануил, распростёрший над нами двуперстные благословения обеих Своих рук. Сколь тонки, значимы нюансы в написании и пре-подании нам символа этих рук. Положение предплечий Богомладенца Эммануила почти совпадает – почти со-направлен с направлением предплечий Божией Матери, но обращён несколько из пространства иконы – к предстоящим. Словно бы в Чаше, подобо-образно «Неупиваемой Чаше»... неисчерпаемой, неизбывной, неиссякающей, ненасытимо полной... – внутри жестов рук Богоматери пре-бывает и про-являет Себя нам Богомладенец Христос, литургисающий в облачениях иерея внутри Богородичного жеста. Руки Богоматери – воздеты в жесте Моисея, в иерейском жесте, воз-носящемся к восприятию Бога, жест Богоматери – вос-принимает нисходящее Божественное благословение. Жест Спасителя – вос-ходит от Его человечества, от Его иерейства – к воспринимающему жесту Богоматери – и рас-пространяется к нам пре-подаваемым благословением. Внутри «Чаши», образованной предплечьями Богоматери, – нимб Спасителя. Центральная, сокровенная точка концентрических окружностей, геометрический центр иконы, почти равно удалена от ликов Богоматери и Христа. Равное удаление – сочтём и символическим, и значимым.

Мощные, насыщенное сиреневым цветом фон и поле иконы активно, контрастно про-являют высветляющуюся мандорлу, - от тёмно-синего- к голубому, светло охристому и зеленоватому оттенкам... - все эти концентрические круги очень контрастны по отношению к тёмно-сиреневому фону. Активные пробела или области светлой «плавии» - ложатся на воспринимающие руки Божией Матери, воздетые к восприятию благодати, - эти высветления словно бы предъ-явлены нам, обращены к нам световой гранью, - так, помышляем, символизирован распространяющийся к нам свет, вос-принятый в молитвенном возношении. Активные тонкие лессированные пробела – ложатся на лик Богоматери, словно бы пре-выше-естественный свет - извне человеческого естества, - как символ внешнего присутствия света, вос-полняющего изображённый лик. Сколь обильна символическая вязь, казалось бы, столь незамысловатом образе «Ширшая небес»... пре-вышающая видимое небо – часть видимого мира – раскрывается нам образом мира невидимого, мира не от мира... ино-бытие, иная духовная реальность существования – обретает о-чертания, обретает свою образность, об-о-значенность - для нас. О том, что реальность иная является таковой инаковостью не вместимой и не выразимой по существу – свидетельствует – знак: мандорла, - здесь не постижимое – о-значено, символизировано... и, значит - - проницаемо для нас, как и мы – проницаемы перед этой реальностью... проницаемы вполне. Знак мандорлы – о том, что иная реальность может быть и видима, и вос-принята нами... - об этом – свидетельствует икона, свидетельствует осязаемый, видимый нами и по-знаваемый нами образ, - вот он, - широко раскрыт к нашему восприятию. И останавливает он всяческое наше движение, коему впору замереть... умереть, хоть бы на время, - перед видимым символом. Останавливает всякую

подвижность, кроме духовного делания... у-равно-вешивает, гармонизируя, ис-целяя, - соделывая целостными перед столь целостной статикой из-ображённых пропорций. Нет у этого изображения никакого ощущаемого динамизма, ни в высь, ни в ширь. Статична основа образа герметично-квадратой формы... статичен круг, вписанный в этот квадрат... И живописны, - живительно про-явлены и живо – приемлемы нами изображаемые лики и фигуры. Превысшая Небес. Широчайшая Небес. И звёзды – наполняют это символическое видимое и невидимое, символическое – небо. Звёзды, преизобильно наполняющие внутренние области видимой нами мандорлы.

Священнические облачения... поручи священника – на руках Божией Матери, - литургисает Она, предстая перед нами за престолом Господним, собственно являясь вместилищем Христа, символически – живым литургическим сосудом. Возносит Свои молитвы к пре-существованию Святых Даров... к одолению новым израиелем воинствующих сил зла нового Амалика... В нас эта дрящящаяся... длительная битва... - и за нас воздеты руки Пречистой Матери. И внутри Её жеста, внутри Чаши – пре-существовавший Себя – Бог, - предъ-явленный, пре-подающий Себя к нашему приятию, к нашему уяснению, усвоению, к растврению в нас, к про-никновению в наши составы, в наше человеческое естество. Вот – Бог, проникающий – проникает. Бог, облачённый в священно - таинственные облачения, Бог, литургисающий вместе с нами, со-служащий с нами, пре-подающий Сам Себя в этом литургисании. Стяжает Божия Матерь молитвой - нисхождение благодати, воздев руки – горе. Нис-ходит благодать на воз-несённый Ею молитвенный жест. Воз-носится благословляющий жест Христа - по восходящим линиям предплечий Богоматери и пре-направляется благословениями к нам. Таковым духовным движением преисполнен статичный символизм. Как продолжение этой дрящящейся, этой длительной и внешне вне-динамичной статики, как часть этого статичного перед нами состояния образа, - взоры Богоматери и Младенца, фронтально обращённые к нам, взирающие в нас в-зоры. Не отводятся от нас эти пристальные глаза, эти ан-фас – лики – обращённые к лицам нашим. Не устремляются в сторону, но со-присутствуют с нами, наблюдают нас, со-блюдают наше перед ними бытие. И мы, соблюдённые, настороженные, - у-ясняем образом, устремляя себя к нему. У-ясняем образом себя самих... уясняемы – образом, находясь перед ним... вос-приемлем пре-подаваемое нам через образ.

Итак... образ – есть символически – откровенное инобытие и мы – взором – прикасаемся к нему, про-никаем через открывшийся образ в ино-бытие и проникая в него, при-емлемся, объ-емлемся им, по мере про-никания - объ-емлем его. Таковы смыслы знаменования нас – образом.

Можно говорить о различии в технике написания диков Богоматери и Христа Эммануила – о различии, несомненно имеющем Богословское обоснование и символическое значение в самой технике вы-явления, цветового раскрытия прориси - раскрыши ликов. Тонкие лессировки, схожесть с манерой написания знаменитого «Христа Пантократора» эрмитажной коллекции – видим и в лике Божией Матери, тогда, как лик Богомладенца «вылеплен» сгущающимися плавями с телесными подрумянками и уплотняющимся светлым тоном... так можем судить, очень приблизительно, по репродукции, далёкой от совершенства и никак не заменяющей непосредственного видения образа. Открыты ушки Божией Матери к скорому и внятному – слышанию наших молитв. Свет голубого чепца или плата, обрамляющего голову Богоматери под мафорием – единоприроден, скажем так, цвету глубинной части мандорлы, окружающей всю Её фигуру, - это ли перед нами символ, объемлющий непознаваемую глубину Бога и

невместимую нами чистоту, глубину человечности Божией Матери, впусившей в Себя Христа. Остановим ли на этом течение наших суждений...

Заметим ещё, как мандола – продолжена направлением предплечий Божией Матери, содержится Ею и, вместе с тем, предплечия Богородицы словно бы распространяют знак мандорлы, пре-образуя его в символ и воспринимаемый образ Богородицы и Сама она предстаёт перед нами как видимое вы-явление Божественной непознаваемости, предъ-являет Себя нам. Золотыми движками ассиста – распространяется целостный образ из центра – к периферии видимой мандорлы, за пределы образного пространства иконы – в мир, об-стоящий нас. Видимые золотистые звёзды являются частью этого луче-зарного ассиста и внешнее кольцо, грань мандорлы по своему цветовому зеленовато-охристому составу – уже совсем близко золотому цвету, царственно предъ-являющему себя в ассисте.

Как замысловато и глубоко символичны знаки окружностей – кругов, вписанных в верхние углы четырёхугольника Знамения, – два круглых знака, содержащих буквы именованя Богоматери: Мать Божия. Причудлива и глубоко символична знаковая «игра» окружностей в образе. Окружности имени Богоматери и окружность нимба Спасителя образуют геометрически выверенный треугольник вершиной вниз – как символ нисходящего к нам Бога. Этот геометрически выверенный знак – «треугольник» уравновешен крупным нимбом Богородицы, фронтальными взорами ликов и самоой округлой мандорлой, как доминирующим знаком. Окружности имени Богоматери – словно бы знаки со-ответствующие жестам Её в-зывающих рук, – на молитвенное воззвание – прямо в Её ладони – нисходит имя: Мать Бога. Окружность мандорлы словно бы со-держит собою весь этот символический чин значений и из-водит его – нам. Впору бы – утихнуть нашим словам перед этими открывающимися значениями... впору бы – обратиться к себе... истечь молитвой сердечной, из глубин своей человечности – устремлённой к отворяющейся перед нами глубине образа, к непознаваемости, рас-крытой символом Знамения, о-знаменовывающего нас.

Приникая к образу, мы сами дерзновенно, делательно и активно – усиливаемся прикинуть к Самому Богу. И перед образом живописным это наше усиливающееся прикивание, прикиновение – особенно наглядно, особенно живо и даже натуралистично, со-природно, естественно нам. Можно бы сказать и обратное. Образ – через него сама Вечность, – воспользуем этот термин, не замещая им слова «Бог», – Вечность изнутри образа, изнутри недвижимого вне-временного бытия – в-сматривается в нашу текучесть, в нашу скоротечность, в наше скоро-мимо-текущее время, присоединяет его к Себе. И мы нашу временность вос-соединяем с вне-временностью перед образом. От того ли и сам образ в почитании его есть образ торжества славного вос-соединения человека и Бога – нашего право-славия перед Богом. Торжество обретённого единения Вечности со временем про-текающим и ис-текающим в прошлом, настоящем и будущем... мы вос-соединены с вечным Богом и через образ как бы вос-станавливаем свою вне-временную духовную статику своё со-стояние в Вечности перед Богом. Не в силах рассуждать о наличии либо отсутствии некоей текучести, двидении, динамике в Самом Первообразе перед нами, мы при-соединяемся к Нему, останавливаясь перед образом, замираем перед ним, при-кладываем себя к нему, останавливая в нём своё извивистое течение. Зрительно – за-держиваем-себя в этом при-киновении перед зримым образом – задерживаемся взглядом и всем нашим естеством. Если око наше темно – приникаем, при-касаем-себя к свету из этой темноты, усиливаясь – наполнить светом взор свой, прикивший... желая этого наполнения, жалея о несостоявшейся полноте... – своё ущерблённое воз-зрение –

приближаем к этому раскрытому образу, со-единяем с ним. Символ – образ становится как бы якорем, зацепляющим наше течение с основанием Вечности, обеспечивающем в стремнинах времени – устойчивость нашего со-бытия с Богом, нашего общего с Ним существования. Возможно ли это обеспечение, это со-бытие вне символа?.. Несомненно, что возможно, - Богу возможно всё. Возможно не о-посредованно ничем приблизиться, открыть Себя, в-никнуть в нас... по произволению Своему – расширить наше естество к Его вос-приятю – вне всяческого образа – возможно. Но нам, одними лишь своими усилиями уже ли под силу даже и посредством образа приОневолить Первообраз, о-сознать, вос-принять своею немощью без-или вне-образного Бога перед нами – Невместимого – вместить? Лишь со-действуя, со-работствуя с Ним, отзываясь на Его при-зыв - вмещаем посредством вместимого, осознаваемого образа, посредством символа – со-прикасаемся с Перво-образом Невместимого, вос-принимая Невосприемлемого, осмысливаем Недомысливаемого... со-бытийствуем вместе с Ним, - дерзаем на это со-бытие, дерзаем, устремляемся и веруем тако, приникая к образу.

Превыше всякого образа во-истину - воскресший и во-истину - вос-кресающий в нас – живой Бог. Воз-мыслим ли о Нём, вовсе вне образа, по крайней мере без образа живописанного, занимающего лишь со-путствующее место в нашем вос-приятии... легче нам это представить в пору предельной близости, откровения и торжества Господнего, - отзываясь со-бытию со Христом при подножии откровенных небес на Светлую Пасху, - кличем пасхального воз-глашения нашего воскресе – Христос во-истину! Не отменит Пасха образа, но воз-вышая нас на свои вершины – востекает от образа к живому и воскресшему Христу, не пре-одолевая образ, но словно бы уже и не нуждаясь в нём. Во-истину – воскрес Бог... и Истина и Путь – Бог воскресший – приступаем к Нему все и «огорчися... умертвися ад». Воскресе во-истину – этим восклицанием свидетельствуем о себе, как о признающих это событие, как существующее, реально вос-шедшее истинной о Господе жизнью - в нашу живую жизнь и торжественно пере-... про-живаемое нами со-бытие с Богом. Празднуемое нами, про-живаемое всерьёз и основательно – всем нашим существом – вос-принятое воскресение Бога, во-истину, истинно – воскрес Он, - свидетельствуем так. Словно бы акт мученичества в нашем восклицании из глубин своих... из нашего брэнного бытия, в коем именно в нём – умирал распинаясь – и умер Бог, где ничего не говорило о Его существовании – мученически, изнутри погибельной пещеры сердечной – свидетельствуем о пере-житом и про-живаемом в нас: вос-кресе во-истину... И веруем так, и вос-кликаем соборне: во-истину – воскрес Бог! Он - есть Путь, Он – Истина и Жизнь! Во - Истину воскресший – есть истинный Путь живой и Жизнь истинствующая. При-никаем к этому Пути, ступаем на него с этим осознанием, про-живанием, свидетельствованием и Жизнь – жительствоет в нас... и Путь – составляет суть и нацначение и цель бытия... и Истина – истинствует в воскресении вос-принятом – нами, прожитом – нами, про-живаемом празднуемом – ныне же.

Но прийдём ли мы от этих слов и осознаний к тому, что без-различен Бог к земному устройению мiра видимого, что без-различен Бог к тому, как устроено земное существование при взоре Его... Это ли – торжествующее православное царство... это ли трагедия низвержения империи и великого падения православного царства в небытие... без-различен ли к этому Бог. Представляется, что мы не найдём в образе каких-либо толкований на сей счёт. Не о мiре земном доносит нам образ Божий и не об отношении к этому мiру, как-либо устроенному говорит нам символ. Но само про-явление образа внутри ига чужеродного, внутри плена чуже-бесного, внутри пустыни, где выкорчеван, ис-коренён образ, проявление его станет ли возможным и про-явит Себя как – либо

радостно и торжествующе - Бог. Не возрыдает ли вблизи нас со-чувственно о беде нашей, сокрыв лик Свой и сам образ... Или же напротив – при-откроет Себя нам утешительно, ободряюще, об-надёживающе... «чем глубже скорбь тем-ближе Бог». И не оставит творения Своего даже и в погибельной скорби, как и в торжествующей радости – е оставит. Вносъ – припомним о по-все-местном откровении образа Господнего, как утешения и вразумления, научения и ободрения, об-надёживания о воскресении – в распятой России...

Вновь удалились мы в от-странённые и общие суждения... удалились от нашей Платитеры... за пределы небес рас-ширенных Ею. На период создания образа была ли пленена османами Кастория, если именно здесь – написан этот образ? Если была пленена, то тьма, окружающая образ – не есть тьма непросветная. В самой сердцевине турецкой ночи – про-являет Бог Себя Своим образом. Если глубина падения мира в печальных, скорбных и ужасных обстоятельствах исторического существования – пред-ощущается, пред-чувствуется, пред-проживается, пред-видится очами духовными, как некая неизбежность и как скорое грядущее неотступное событие, - тем трагичнее ожидаемое и пред-уведанное наступление, в-торжение и объятие этой тьмы... тем более – и об-надёживает нас из-ображённый символ знаменования изнутри этой тьмы, практически – черноты сиреневой – извергающийся к нам образом благословением. Таков символ откровенный, мощный, без всяческих при-крас – в упор, глаза-в-глаза в-зирающий в нас... Никаких от-вращений очей, никаких от-влечений нашего внимания на несущественные детали... никакой замкнутой на себя внутренней структуры символа, не доступной, не пред-ложенной к нашему вос-приятию – нет в этом изображении... Здесь всё доверительно и призывно рас-крыто, откровенно, прямо, – нам, прямо в нас, в наше пространство. Чёткий о-значающий квадрат, не расползающийся, не транс-формированный ни вширь ни по вертикали. Чёткий круг, рас-крывающийся, рас-пространяющийся концентрическими кольцами. Симметричные жесты рук жесты рук Богоматери и Спасителя. Прямые – в глаза в-зирания в нас очей Богоматери и Христа. Предельной силы и напряжения этот сконцентрированный, этот могучий знак, этот вос-пламеняющий, вос-крешающий символ, в-ливающий в нас свои значения, извержение своё, - не показанное перед нами, но устремлённое непосредственно в нас... объ-емлющее – нас, рас-пространяющее себя вокруг нас... в-бирающее нас внутрь себя... Таков – образ, неотвратимый образ – перед нами немощными, усиливающимися вместить Невместимого.

Но остудм же, успокоим, быть может и неуместное раз-горячение наше перед образом... у-дивим себя им... воз-радуем себя любовно и успокоенно. Рас-смотрим его цвет и растворим этим рас-смотрением свою радость о Господе перед Его из-ображением... И не возделаем тем с себе привычной своей теплохладности. Размыслим же ещё несколько о цвете фона и про-явленном свете образа. Тёмен цвет сиреневого фона, чётко о-граничивающего область квадрата иконного ковчега изображения. На грани со-прикосновения с нашим миром – с нашим вечереющим светом – тёмен иконный фон. Тёмно сиреневый с отливом – фон, из него – проявляется образ, про-является знаком мандорлы. Уподобим открываемое моменту раскрывающейся завесы – катапетасмы в Царских Вратах, - откровением завесы обнажается перед нами закрытое, не видимое пространство алтаря – становится видимым. Так же символ рас-крывает перед нами реальность иную, деляя её вос-принимаемой... по крайней мере свидетельствуя о ней. «Темна вода во облацех воздушных» наших – не о том ли повествует нам и символ тьмы сиреневой, внутри которой про – явлен светоносный круг... «Свет, который в тебе не есть ли тьма... Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма»... Тьма, из которой про-из-растает,

про-буждается, про-исходит образ – это ли тьма профанного падшего мира, вне Бога существующего. Но существует ли этот мир – вне Бога, со-держашего этот мир, произвольно про-являющего Себя в нём. Этот мир – тёмн, тёмн, как знак, и как некая затемнённая реальность, наполненная неизбывным свечением – не черна, но содержит в себе отлив сиреневого свечения. Про-являющий Себя в символе Бог – есть проявление перед нами света. Свето-носное, свето-содержащее, свето-зарное и свето – видимое проявление... так – прочитываем это со-отношение, со-отнесение света и тьмы в общем устройении образа Платитеры, «Ширшей Небес.». Если тьма фона – символ «тёмной воды во облацех воздушных» - небесная тьма, видимая нами, как свет, то световой, сето-несущий образ, пре-вышающий эту тьму – есть, собственно, пре-восхождение небес, расширение неба, являемое Богоматерью, пре-восходящей небо, рас-пространяющейся превыше и шире небес. Пре-восходит видимое небо и небо духовное в-мещённый Ею Бог. Пре-восходит видимое небо, как облачение всего сотворённого - образ Божией Матери, - пре-восходит, рас-ширяет, пре-вышает и пре-одолевает, - как свет пре-одолевает тьму, присутствует, как фон к этому торжествующему расширению света – красивой тональности сиреневое от-тенение света, о-краина фонового квадрата иконы. Бог проявлен внутри окружности внутри этого квадрата. Здесь – внятнй символ, который можно восчувствовать лишь и едвали воз-можно нам проговорить его однозначное, одно-значительное толкование, провести некую экзегетику со-отнесения знаков тёмного квадрата и светлых кругов, вписанных в квадрат. У-живаются эти знаки, со-присутствуют в образе и со-прикасаются в нём... и рас-ширяется тьма про-явленным, пре-восходящим светом, - образ Богородицы и Христа – в этом световом про-явлении. Что есть эта видимая нами тьма, из которой явлен образ Платитеры, пре-вышающей эту тьму, пре-восходящей эту тьму. Это – весь видимый нами, о-сознаваемый, предъ-являющий себя нашему взору видимый – обстоящий нас мир, лежащий во зле... Пусть бы то – лежал этот мир во зле внутри имперского великолепия, если образ написан в пору наивысшего, ыть может, художественно-Богословского расцвета, в пору возможно полно-ценного осознания веры и деятельного приятия Христа... в пору имперской зрелости на пороге абсолютного низвержения, падения Византии... - процвёл этот прекрасный живописный крин, вызрел удивительный плод, - вызрел к исчезновению. В пору этого вызревания – про-является этот образ, символ духовной зрелости, пре-восходящий знаковость и значимость имперского бытия, о-сознаваемого, как тьма... Или же – невожатно – уже - пала Империя в пору написания этого образа и изнутри этого уже свершившегося падения – осознаётся мир видимый, как тьма почти уж совершенно – непроглядная, тьма обуявшая, об-ступившая и в-местившая весь этот видимый мир. И тогда именно из этой – торжествующей в безумствовании тьмы – про-являет Себя Бог, знаменующий нас. Можно бы помыслить так, что вне зависимости от того, каков мир вокруг нас – он не перестанет о-значиваться, как некая тьма. «Свет очей – тьма», изнутри которой про-является символ Бога и Сам Бог – про-являет Себя нам. Так прочитываем в – этом символе Платитеры, Пре-вышающей, Пре-восходящей, Рас-ширяющей небо. Итак, небо видимое, над великолепием империи распростёршееся... Небо видимое и сгустившееся тёмной водою над империей поруганной, порабощённой и о-рабевшей... - всё это небо видимое и только лишь. Не вместит в себя, не пре-взойдёт собою, не исчерпает и не отнимет, не заслонит собою Бога – это небо. И пре-вышено оно, рас-ширено, рас-пространено образом Божией Матери, о-знаменовывающей нас, не отвергающей этот мир, но про-исходящей из него и при-вносящей в него Бога благословляющего, Христа, как – увенчание этого видимого, сотворённого мира. Таков, как видится, как осознаётся теперь, - символизм со-отнесения из-ображённой темноты иконного фона и образа, про-явленного во свете.

Сквозь видимый мир, - завесу его очам рас-творив,
В-никает Любовь, в-зирает в лицо предъ-явленным Ликом.
Стяжавшая Свет – как Чаша, - и в Ней в молчанье великом –
Христос – Иерей – напутствует нас, о-благо-творив...

Но внутренний мой - дрожит человек... уселся на риф
Ветшающий чёлн в бурливых водах, - ни стоном, ни кликом
К себе не зовёт из-ведавший дно бес-путный калика, -
Он весь – упоён стенанием бурь и вспененных грив...

Се – образ – раскрыт над миром больным, над сводом небес,
Расширив простор, его у-венчав живительным знаком
Присутствия сил, вникающей в нас дарованной веры.

Склоняю себя, о-дарен Тобой, богат... - что там Крез.
Уже ль возрасту от смерти своей воз-бужденным знаком,
Коль вижу опять в-зывающий взор моей Платитеры.